Александр **ВОЛОВИК**

* * *

Маше Панфиловой

Краса из красавиц, поэт из поэтов,
во всех ипостасях равно хороша...
Любовь кистепёра, когда без ответа
(где кисти, там тело, а в перьях — душа,
парящая в небе). И тучки, как хокку,
слогами слагаючи слоганы слов,
на сахар мечты капнут яд (и не только) —
надежды. Но не потрясти ей основ,
плодов не стряхнуть на никчёмные строки
и не прорастить из семян из сухих,
увы, ни ростка, ибо сорваны сроки...
Но всё же вне плана рождается стих!
И, косноязыкий, возносит и славит
и рифмы, и формы, и платье, и шаг...
Поэт из поэтов! Краса из красавиц!
Ах, Маша! Не наша, а как хороша!

В ЧЁМ МОЯ ВЕРА

В чём моя Вера? — проблема не праздная.
Сразу не скажешь, нужен подход.
Вера одна. Но иная и разная —
месяц ли, час ли, неделя ли, год...

Вера ведёт меня жизнью ненастною,
карта и компас, учитель и гид.
Вера бесценная, Вера опасная,
Вера — любви и надежды гибрид.
Вера подобна цветку нераскрытому.
Вера не вещь, но, конечно, в себе.
Не обретёшь её там, за корытами
и не узнаешь в тусклой толпе.
В общем, отбросив житейские мелочи,
честно отвечу, врать не учён:
яркий китайский халатик на Верочке —
вот, моя Вера сегодня в чём!

* * *

Я как в прошедшем — в настоящем,
срывающий настырный будень.
Мне календарная бумажка
пророчит, что́ со мною будет.
Я ежедневно их срываю:
суббота... вторник... воскресенье...
Ах, я не знаю, я не знаю
их непреклонного решенья.
Что — время! Поворот усатый,
минутной стрелки ток песочный...
Батый, сотрудник медсанбата,
усатый Робеспьер порочный...
И улыбнутся дискоболы
в экстазе поиска крамолы,
как незлобивый Джугашвили,
которому торпеду вшили.

ЛЮБОВЬ В ГОРОДЕ ЧЕРУСТИ

Дивной ночью лирической в славном городе Черусти
полумесяц холериком прыгал в форточке ню.
А наутро влюблённые перепутали челюсти
в двух стаканах пластмассовых на овальном краю.
А вчера так стремительно начались отношения —
первый танец стеснительный, первый пробный бокал...
И дорожкою лунною со стихами Есенина,
с поцелуями-крыльями — как Шагал к облакам.

Как шагали, как плавали, как летя пируэтами,
излучали сияние, изменяя цвета,
помнит лишь новолуние ослепительно летнее,
моль ночная лиловая да в окне чернота...
Этой ночью неправедной были души изранены
в том любовном полуночном, в том телесном бою.
И рассветные сумерки под мотив Северянина
в тусклой ванной закончились, на овальном краю.

ВЕК СВОБОДЫ НЕ ВИДАТЬ

Я сам по себе и себе на уме.
Терплю похвалы. Игнорирую ругань.
Что́ плутни и шашни правительства мне! —
Я жизнь ограничил магическим кругом.
Дела мои старческие — легки.
Беззубым дантисты что лысому стрижка.
Я маму лелею. Кропаю стишки.
В картон обуваю кустарные книжки.
Мне времени камни летят в огород —
всё лучшие — наши какие там! — годы.
Беспечно назад и без страха вперёд
гляжу, и вовек не видать мне свободы.

ДЕКАБРЬ

Осень сгинула; скинула с листьями
и меня в снега декабря.
Сам с собой беседую лично я,
как звезда с звездой говоря.
Ни патетики, ни сарказма,
ни слезы — сколько факт ни жарь.
Я же чайник, как было сказано.
Закипел — заварки не жаль.
Разговор разговор сменяет, но —
самовар самовару рознь.
То-то суетно, то-то маетно,
то-то боязно — не всерьёз.
А кругом дела — настоящие:
Украина бурлит, РФ!..
Мне же — гласные да шипящие
всё мерещатся нараспев.

Хорошо на язык их пробовать
и, приняв коньячка стопарь,
отдыхать душой и утробою
и вдыхать ароматный пар.

ОКАЗАЛОСЬ, БЫЛО НЕЗАЧЕМ

Божеству не нужно языка,
от людей в отличье и зверья.
Математика и музыка —
его проза и поэзия.
Воздух режущего яблока
свист услышит и поймёт оно:
от галактики до бублика
крутят мир законы Ньютона.
Глянув на закат стремительный,
колдовством, типично боговым,
семицветно в небо вытянет
арксансьельку – регенбогеном[2].
Полиглотничает, умное,
не высотками – утёсами.
И прибоями — не гимнами —
голосит, простоволосое.
Одному парить невесело.
Долго думало, и вот оно
человечка завело себе
как домашнего животного.
Но они двуполоногие
не его внимают мнению...
Одиночество убогое
не подстать уединению.
И тоскует ту тоску — его
ум — божествен, но и немощен.
Отделил от света тьму, и вот —
оказалось, было незачем.
Оказалось, было незачем.

* * *

Ах, оставьте, какой я поэт!
Я самец, составляющий рифмы.
Когда хочется взвыть или крикнуть,
на листке напишу я сонет.

И в процессе работы поникнут
боль и горечь, и бездна сует.
И — как богом — идеей проникнут,
на мгновенье я стану — Поэт.
Подытожу (для самопознанья).
Так в единстве души и желанья,
слов, идей и бумажной трухи
возникают непрочные зданья,
неподвижные, как изваянья.
Я считаю, что это стихи...